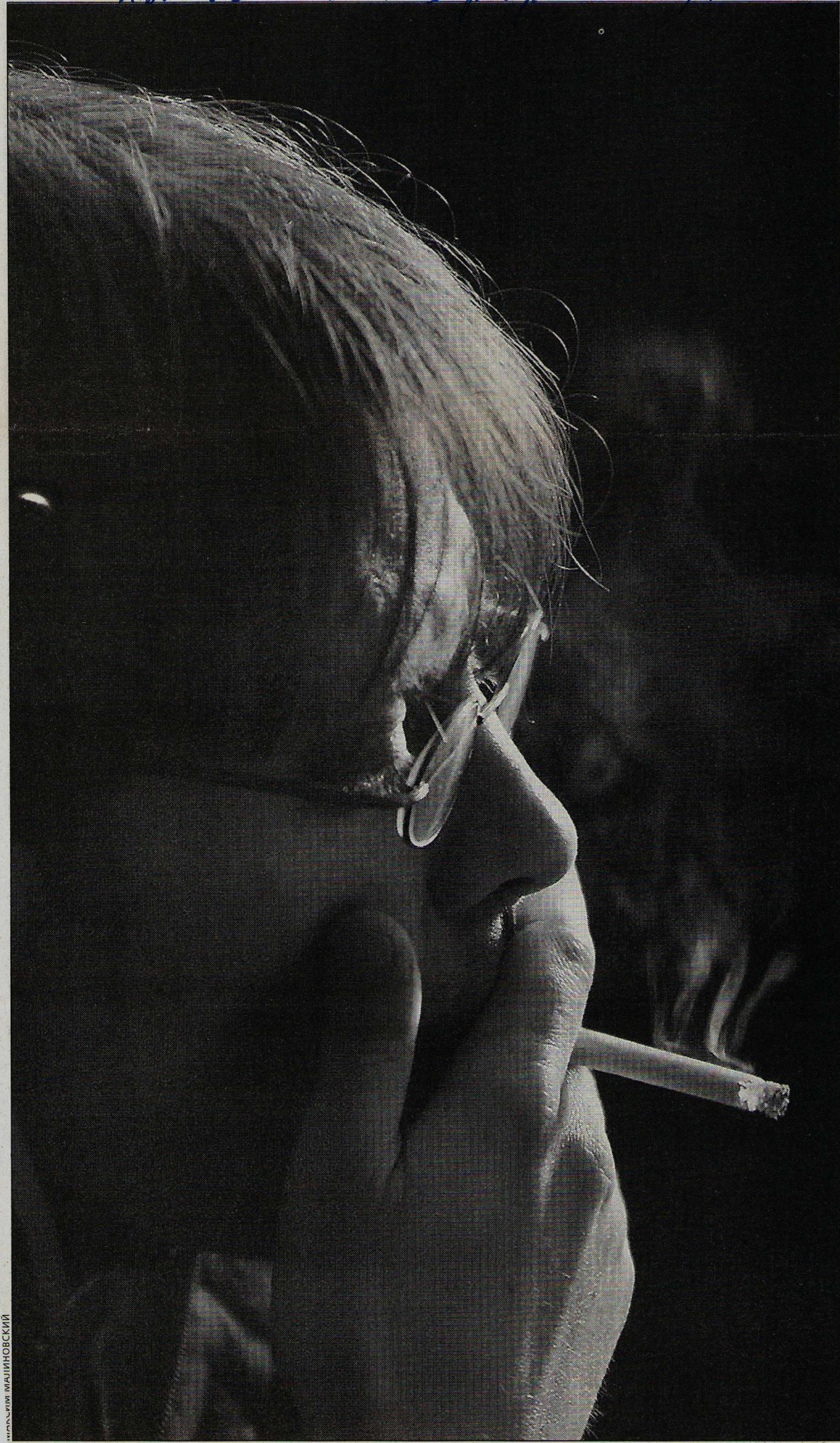

Валерий ТОДОРОВСКИЙ, кинорежиссер и продюсер:

Нашему кино нужно стать адекватным

Известия — 2004 — 3 февр. — с. 16, 11.

На церемонии вручения кинопремии «Золотой орел» Валерий ТОДОРОВСКИЙ дважды поднимался на сцену. Один приз он получил как продюсер «Идиота» — «лучшего игрового телевизионного фильма», другой — как продюсер «Бригады» — «лучшего игрового телевизионного сериала». Недавно Тодоровский завершил работу над новым фильмом «Мой сводный брат Франкенштейн». С Валерием ТОДОРОВСКИМ встретился обозреватель «Известий» Юрий ГЛАДИЛЬЩИКОВ.

Для затравки: В. Т. как коллекционер

— Ага! Это и есть знаменитая коллекция пишущих машинок, о которой я столько слышал! (Разговор происходит в кабинете Тодоровского на «Мосфильме», на базе которого канал «Россия» и делает свои сериалы. Только что закончилось совещание по поводу очередного сериала — такое живое, что от всех пар валил. На полках в кабинете стоят при этом старые пишущие машинки).

— Тут не все, какие у меня есть. Часть дома. — Где находят пишущие машинки? — Где угодно: на свалках, на барахолках. Только не подумайте, что я копаюсь на свалках. Их можно найти на рынке в Измайлово. Они продаются и в антикварных магазинах — иной раз совсем уже редкие, по нереальным ценам. У меня не так много действительно старых машинок. Вон стоит машинка 20-х годов...

— Их цена зависит от...? — От того, чем старше машинка, тем в лучшем она состоянии.

— Раз кабинет обустроен столь любовно, значит, тут приходится проводить много времени. Из чего собственно состоит работа продюсера?

В. Т. как представитель кинобизнеса

— Я действительно каждый день (встав, правда, не очень рано — к этому я себя приучить не могу) еду на «Мосфильм». И захожу здесь иногда до девяти, а иногда до двенадцати ночи. Работа продюсера заключается в том, чтобы общаться с людьми — сценаристами и режиссерами — и придумывать проекты. Кроме того, надо читать написанные сценарии. Если по каким-то причинам я вылажу на неделю, у меня на столе скапливаются тысячи страниц. Существует и такая часть профессии, как просмотр отснятого материала. У нас одновременно делается три-пять сериалов. И каждый раз сначала смотришь весь материал, потом его черновую сборку и наконец вариант после окончательного монтажа. То есть каждый фильм я смотрю три раза. Я реально рабочий человек! Я хожу на службу!

— Не странно ли это для того, кто привык к воле? — Странно. Я прожил полжизни в состоянии свободного художника. Но сейчас каждодневная офисная работа стала для меня как наркотик. Я с трудом представляю себе, что вот просыпаюсь утром, а мне нигде не нужно идти. Я привык к тому, что день состоит из людей, встреч, решений, обсуждений. Хотя иногда так все сходится на какой-то неделе, что охватывает паника. Тогда хочется провалиться, выключить телефон, отлежаться, чтобы о тебе забыли!.. Но ничего, эти кризисы проходят.

— Где больше рождается проектов: в вашей собственной голове? Или их чаще приносит на блюдечке? — Из того, что мы делаем. Данилов семидесят рождается в этих комнатах. Что-то придумал я, что-то во время болтовни изобрели мы все вместе. Хотя бывает, что приходят случайный сценарий и ты с ходу понимаешь: «Вот оно!..» — такое бывает. Так появилась «Бригада»: пришел режиссер Сидоров с готовым сценарием, который писал со своей командой года два. Прямо противоположная история — с амбициозным сериалом «Красная капелла», съемки которого только что завершил режиссер Аравин. Идея сериала про «Красную капеллу» возникла у меня еще в 1989 году, когда я и отношения не имел ни к какому телевидению. «Красная капелла» — одна из самых выдающихся в истории шпионских сетей: советская, действовавшая в оккупированной Европе с конца 30-х годов и почти до окончания войны. Были задействованы сотни людей, некоторые из которых и не подозревали, кому именно служат. Уже в 89-м я понял, что, если рассказывать эту историю в подробностях, нужно делать именно сериал.

— Мне всегда казалось, что вы больше ориентировались не на советский, а на европейский кинематограф. «Страна глухих» и «Любовники» — фильмы осознанно европейские по стилю. Так ли это?

— Я всегда пытался снимать про то, к чему имею отношение. Хотя сейчас мне дико хочется сделать короткий фильм, чтобы вырваться из знакомых квартир, улиц — из быта. Я понял, что мне захотелось прожить кусок жизни в этих декорациях. Ведь когда делаешь фильм, то фактически живешь в нем.

— Мне всегда казалось, что вы больше ориентировались не на советский, а на европейский кинематограф. «Страна глухих» и «Любовники» — фильмы осознанно европейские по стилю. Так ли это?

— Я всегда пытался снимать про то, к чему имею отношение. Хотя сейчас мне дико хочется сделать короткий фильм, чтобы вырваться из знакомых квартир, улиц — из быта. Я понял, что мне захотелось прожить кусок жизни в этих декорациях. Ведь когда делаешь фильм, то фактически живешь в нем.

(Окончание на 11-й стр.)

Валерий ТОДОРОВСКИЙ, режиссер и продюсер:

Нашему кино нужно стать адекватным

Известия — 2004 — 3 февр. — с. 16, 11.

У меня никогда не было такой установки. Но всякий, снимая фильмы, себя невольно разоблачает. Если есть ощущение, что я делаю европейские фильмы, значит, вероятно, я по мироощущению больше европейский человек. Когда я задумался над тем, чьи фильмы мои любимые, я назвал себе фамилию Трюффо, а не Довженко. Мне нравится старое добротное американское кино, начиная с Джона Форда и заканчивая 70-ми, когда снимали Коппола, Холт Шуби. Мне всегда нравились англичане. Скажут: называйте шедевр. Я называю «Слугу» Лоузи. Или «Нежную кожу» Трюффо.

— У вас, похоже, есть цель перепробовать все кинопрофессии. Сценарист Тодоровский стал режиссером, продюсером, однажды поработал монтажником — сериала «Королева Марго». А теперь вдруг решил стать актером: вас ведь позвал сыграть олигарха Бурова в своем фильме «Американец» Алексей Балабанов. Вы, правда, уже играли в кино — в 15-летнем возрасте в фильме «Странная женщина».

— В моей жизни все происходило естественно. Сценаристом я стал потому, что не смог сразу поступить на режиссерский. За это теперь благодарю Бога, потому что теперь во ВГИКе провел не бессмысленно. Сценарный факультет замечательный, тем, что ты каждую пятницу обязан положить на стол стопку написанных листов. И я, будучи в 18 лет не слышавшим труднопонимать, должен был это делать. Но, разумеется, едва появилась возможность снимать, тут же за нее ухватился. Потом, с началом замечательных перестройки и гласности, все как один ушли в продюсеры. Я помню момент, когда на студии Горького каждый второй человек называл себя продюсером. Шла по коридору толпа — и все продюсеры! Отношение к этой профессии было предельно наивным. Единственное, что дивагло людям: «Ух, теперь я наконец-то не буду иметь начальничком!» В 89–90-х создавались первые независимые студии — и мы с Толстунцовым и Ливневым зарегистрировали компанию «ТТЛ» (аббревиатура так и расшифровывалась: «Тодоровский, Толстунцов, Ливнев»). Я помню, как мы однажды соборались и вдруг поняли: все, никаких начальников! Как хотим, что хотим — и снимаем. Сейчас, когда нужны хорошие кинорежиссеры, их не слышь. А тогда было ощущение, что главный враг в кино — редактор! Человек, призванный стоять над тобой, бить тебя по голове палкой, уничтожать твою творчество!.. В наши дни понятие «продюсер» абсолютно определил суть профессии продюсера: «Это человек, который умеет радоваться успехам других».

— А вот дальше, когда ты чего-то достигалось, начинаешь баловство. Звонит мне Леша Балабанов, а твой мой приятель, и говорит: «Я хочу тебя снять». И я, даже не читая сценарий, сразу отвечаю: «Согласен. Мне забавно побыть в шкуре актера». Не стал актером, а побить дня три. Единственное, о чем я предупредил Балабанова: я буду играть все, что он скажет и как скажет, но всю ответственность он берет на себя.

— Почему — если не считать «Морскому волку» Джека Лондона — вы всегда тяготеете: а) к жанру драмы и б) к современности? Ни ногой ни в прошлое, ни за границу.

— Я всегда пытался снимать про то, к чему имею отношение. Хотя сейчас мне дико хочется сделать короткий фильм, чтобы вырваться из знакомых квартир, улиц — из быта. Я понял, что мне захотелось прожить кусок жизни в этих декорациях. Ведь когда делаешь фильм, то фактически живешь в нем.

— Мне всегда казалось, что вы больше ориентировались не на советский, а на европейский кинематограф. «Страна глухих» и «Любовники» — фильмы осознанно европейские по стилю. Так ли это?

— Я всегда пытался снимать про то, к чему имею отношение. Хотя сейчас мне дико хочется сделать короткий фильм, чтобы вырваться из знакомых квартир, улиц — из быта. Я понял, что мне захотелось прожить кусок жизни в этих декорациях. Ведь когда делаешь фильм, то фактически живешь в нем.

— Мне всегда казалось, что вы больше ориентировались не на советский, а на европейский кинематограф. «Страна глухих» и «Любовники» — фильмы осознанно европейские по стилю. Так ли это?

— Я всегда пытался снимать про то, к чему имею отношение. Хотя сейчас мне дико хочется сделать короткий фильм, чтобы вырваться из знакомых квартир, улиц — из быта. Я понял, что мне захотелось прожить кусок жизни в этих декорациях. Ведь когда делаешь фильм, то фактически живешь в нем.

— Мне всегда казалось, что вы больше ориентировались не на советский, а на европейский кинематограф. «Страна глухих» и «Любовники» — фильмы осознанно европейские по стилю. Так ли это?

— Я всегда пытался снимать про то, к чему имею отношение. Хотя сейчас мне дико хочется сделать короткий фильм, чтобы вырваться из знакомых квартир, улиц — из быта. Я понял, что мне захотелось прожить кусок жизни в этих декорациях. Ведь когда делаешь фильм, то фактически живешь в нем.

Если я окажусь ужасным артистом, это его личные проблемы.

— Говорят, Балабанов — садист на съемочной площадке.

— Ну на меня-то он орал, полагаю, не будет. В крайнем случае если я вдруг окажусь бездарен как актер, он меня снимет с роли — вот и все (смеется). (Уже после разговора выяснилось, что проект Балабанова, о котором много писали в прессе, к сожалению, отложился на неопределенное время. Но поскольку ответ на вопрос интересен, мы его оставляем. — «Известия».)

— Вообще это замечательная идея — позвать на роль олигарха именно Валерия Тодоровского. Человек вы молодой, успешный. Олигарх-то по сюжету — хороший или плохой?

— Плохо-о-ой! Плохо-о-о-ой!.. Что меня расстраивает немножко. Но если я начну вести с Лешей дискуссии и навязывать ему свое видение олигархов, это будет глупо. Это все-таки балабановское кино!

В. Т. как социолог и кинокритик

— Возвращаясь к сериалам. Вы как-то высказали занятную мысль на тему «Сериалы и Россия». Мол, мы обитаем в ситуации, когда реально не знаете, куда идет страна, что будет через пять лет и т.д. И именно сериалы могут помочь инструментально исследовать самих себя. И что, те сериалы, которые вы произвели, позволили вам понять, кто мы есть и куда идем?

— Я не имел в виду, что мы занимаемся социологическими разработками. Я говорил о ценности сериалов для градущих исследователей. Большинство сериалов — по современности. Они, как никакая другая киноформа, отражают жизнь, поскольку (это и сообразил в какой-то момент) сама жизнь и есть сериал, где каждый день — это сериал. Люди снимают про то, чего они хотят или, наоборот, не хотят для себя и окружающих.

— А дальше другие люди голосуют кнопкой на пульте дистанционного управления, что им интересно, а что нет. И, конечно, в этом смысле сериалы — способ познания себя. Я вспоминаю феномен нашего так называемого «кооперативного кино», когда в какой-то год начала 90-х было снято чуть ли не пятьсот картин, то есть мы почти догнали Индию. Половина фильмов так и осталась недоделанной. Я думаю, лет через двадцать найдется киновед, который вез этот как бы мусор по дороге и напишет большую книгу. Потому что в том мусоре — самоощущение страны. Не удивительно разве: в магазинах не было еды, инфляция, голопирожал, на улицах шли демонстрации, непопулярность, что преступление спровоцированы именно «Бригадой». Какбы в Симферополе убийство. И именно в этот момент было снято больше фильмов, чем когда-либо в истории России. Киновед Владимир Дмитриев однажды сказал мне: «Есть хорошие фильмы, есть плохие, а есть плохие фильмы этой эпохи. Это он говорит как хранитель госсиньфильмовского архива! Так и сериалы помогут понять, что именно происходило в стране.

— Но все-таки вы же просчитываете успех сериала, пыта-

ются обойти коллег-конкурентов с других каналов? Что сейчас в спросе: оптимизм, пессимизм, космополитизм, патриотизм? Чего хотят го- лосующие кнопкой на пульте — может, больше любви на экране?

— Мы с вами вторгаемся в страшную область. Очень серьезные люди занимаются такой социологией — и постоянно прокальваются. Если бы можно было просить, чего на следующий год захотят зрительские массы, кинематографисты постоянно срывали бы большой куш. Но это непредсказуемо. Только и слышу: хватит про бандитов, надоели бандиты! Кому, спрашиваю, надоели? У бандитов по-прежнему гигантский рейтинг. Исходя из общимировых тенденций могу сказать, что есть три жанра, которые пользуются спросом: мелодрама, комедия (которой у нас нет, потому что, как выясняется, это самый шпунный товар) и так называемый криминальный жанр, у которого сто поджанров: детектив, триллер и т.д. И есть еще четвертый жанр — называю я нас, но популярный в Америке: «Клиент всегда мертв», «Клан Сопрано» — фильмы про течение жизни, существующие на стыке всех жанров. Делать их очень трудно.

— Вам, как продюсеру, не хотелось влезть в споры вокруг вашей «Бригады» с обвинителями фильма в романтизации бандитов?

— Не хотелось. Не моя роль. Мы показали фильм — а вы уж, пожалуйста, дискутируйте. Но вообще, по-моему, это социальная драма, уровень которой выше уровня большинства телефильмов, снятых в нашей стране за всю историю. До и после «Бригады» на разных каналах были фильмы про бандитов, гораздо более жестокие, циничные и примитивные. Но именно «Бригада» попала в цель — от этого и резонанс. А когда есть резонанс, всегда есть кто-то, кто сидит и плачет, глядя на экран, а кто-то кричит: «Ура, мы тоже бригада!» Когда нет резонанса — переключат канал и забывают фильм в ту же секунду. Принцип, по которому мы жили очень долго — «Нельзя это показывать, потому что всегда найдется сорок идиотов, которые захотят это повторить»... — наипосейший. Если мне уговорить, придется включить дичайшую самоцензуру. Тогда не показывайте фильмы с этим Чаклом... как его... потому что возникнет в городе Кременчуг компания людей, которая захочет повторять нунчаки на всех, кто попадет в поле зрения, и напишет большую книгу. Потому что в том мусоре — самоощущение страны. Не удивительно разве: в магазинах не было еды, инфляция, голопирожал, на улицах шли демонстрации, непопулярность, что преступление спровоцированы именно «Бригадой». Какбы в Симферополе убийство. И именно в этот момент было снято больше фильмов, чем когда-либо в истории России. Киновед Владимир Дмитриев однажды сказал мне: «Есть хорошие фильмы, есть плохие, а есть плохие фильмы этой эпохи. Это он говорит как хранитель госсиньфильмовского архива! Так и сериалы помогут понять, что именно происходило в стране.

— Но все-таки вы же просчитываете успех сериала, пыта-

В. Т. как человек частный

— Существует ли в вашем сознании цель, пруда к которой, вы скажете себе: «Я прожил жизнь не зря»?

— Нет. — Вы, тью-тью-тью, в свои сорок выглядите намного моложе (я помню изумление публики на встрече с вами на позорном фестивале в Торонто после показа «Любовника», когда кто-то спросил вас про возраст). Занимаетесь спортом?

— Нет, не хожу ни в зал, нигде. Все обещаю себе — но никак. Пообещал и в этом году. А так — курю, пью кофе.

— Что вы читаете? — Самое последнее время перечитываю Достоевского. — Когда вы сами включаете телевизор, то что смотрите? (После небольшой паузы.) Футбол. — Дети, как я понимаю, уже не совсем маленькие...

— Сыну Пете девятнадцать, а дочке Кате восемь. — Вы ходите с ними в кино?

— Это страшный вопрос. Вся жизнь мечтаю, но, к сожалению, не получается. Сын, правда, давно ходит в кино сам.

— Естественный вопрос, учитывая, что у вас кинонаследия (отец Петр Тодоровский — классик советского и российского кино, мать Мира Тодоровская — продюсер. — «Известия»): дети подрут по вашим стопам?

— Про дочь говорить не буду — возраст еще не тот. А сын учится в МГУ на международной журналистике и хочет заниматься телевидением. Но хочу сказать, что он большой киноман.

— Есть ли для вас понятие отпуска? — Официально я был в отпуске, когда снимал свой последний фильм. Вообще: в отпусках я снимаю фильмы. Впрочем, после Нового года я волевым усилием заставил себя уехать дней на десять.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Это слабое утешение. Чем все-таки хорошо телевидение? Оно дисциплинирует. Здесь ты не можешь не задавать себе вопроса: для чего? Надо ли затевать новую телеигру, если на соседних каналах идет что-то подобное? В чем будет ее особая привлекательность? Я говорю себе: «Вот это и есть отдых!»

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Это слабое утешение. Чем все-таки хорошо телевидение? Оно дисциплинирует. Здесь ты не можешь не задавать себе вопроса: для чего? Надо ли затевать новую телеигру, если на соседних каналах идет что-то подобное? В чем будет ее особая привлекательность? Я говорю себе: «Вот это и есть отдых!»

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.

— Как же вы отдыхаете? — Последние годы понятие отдыха заключалось для меня в том, чтобы завалиться на диван и смотреть футбол или читать книжки. И главное, чтобы при этом я знал: в ближайшие три часа не надо нигде бегать, никому звонить — можно просто разлапаться.